

УДК 882+07"18"

АРХЕТИП ХАЛАТА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Н.Л. Ермолаева

Аннотация

В статье на обширном материале художественного творчества Н.М. Языкова, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, В.И. Даля, А.Н. Островского и других писателей XIX века доказывается, что в русской литературе образ халата приобретает качества архетипа.

Ключевые слова: халат поэта, халат ленивца, халат неряхи, халат как судьба, «халатный» образ жизни, халат как почётная одежда, халат как атрибут барской жизни, жизнь как «изношенный халат».

В сознании современного читателя халат рождает целый комплекс ассоциаций, он давно стал символом домашнего времяпрепровождения, лени, апатии, безделья, бесцельно прожитой жизни. В литературе он связывается с образом Ильи Ильича Обломова. Почему это так? Ведь Обломов – не первый и не последний герой, который одет в халат? На эти вопросы, на наш взгляд, можно найти вполне однозначный ответ: в романе И.А. Гончарова отражён архетипический образ халата, который складывался в русской литературе XIX века. Задача данной статьи состоит в том, чтобы показать, как это происходило.

К «созданию» архетипического образа халата причастны многие русские писатели, поэты, художники. Основные значения этого архетипа отражены в статье о халате в словаре В.И. Даля, составленном в середине XIX века: «**Халат** – м. татар. Комнатная, домашняя, широкая одежда восточного покроя. Он живет в халате, из халата не выходит, сидит дома. Полевого, по завещанию его, похоронили в старом халате. / Крестьянский кафтан без перехвата, зипун, армяк. **Халатный** покррой. Халатная ткань. **Халатчики** татары бродят. **Халатник**, кто ходит в халате» [1, с. 541].

Как видим, первое и главное значение слова *халат* по Далю – это «комнатная, домашняя, широкая одежда восточного покроя». Именно в «домашней» поэзии Г.Р. Державина, К.Н. Батюшкова и других русских поэтов герой неизменно представляется одетым в халат, даже если автор на это непосредственно не указывает. «Распашной» образ жизни и «распашной» слог Д.В. Давыдова, когда поэт восклицает: «Долой, долой крючки от глотки до пупа!..» [2, с. 170], также рожают ассоциации с халатом. Халату посвящают свои стихи П.А. Вяземский «Прощание с халатом» (1817) и Н.М. Языков «К халату» (1823). Мотивы этих произведений родственны: оба поэта воспевают домашний халат как «одежду праздности и лени» [3, с. 94]; это «товарищ неги праздной, Досугов

друг, свидетель тайных дум» [4, с. 80]. Халат в их стихах – одежда поэта, отказавшегося от «гостиной ливреи»: «Как жалок мне любовник муз постылый, Который нег халата не вкушал!» – восклицает Вяземский [4, с. 80]. Языков воспевает домашний халат, противопоставляя его офицерскому мундиру как «символ «вольности», партикулярной студенческой жизни» [5, с. 243]. Н.А. Полевой завещал похоронить себя в старом, изношенном халате (на что указывает Даль), имея в виду, скорее всего, не только собственную нищету, но и принадлежность свою сообществу творческих личностей. В связи с этим вспоминаются слова Ю.М. Лотмана о том, что «вещи навязывают нам манеру поведения, поскольку создают вокруг себя определенный культурный контекст» [6, с. 12].

В произведениях романтиков халат связывался с вольной жизнью на лоне природы, чаще всего в деревне. Для Вяземского и Языкова халат – это прежде всего друг лени, беспечных забав, любовных утех, неизменный атрибут деревенской идиллии. Для Дениса Давыдова «распашной» образ жизни возможен именно в деревне. Об этом он рассказывает в своем стихотворении «Договоры». То же находим и у Языкова. В стихотворении 1827 года, обращенном к брату А.М. Языкову, он пишет:

Пленительные дни! Душой и телом вольный,
Не стану я носить ни шляпы треугольной,
Ни грубого ярма приличий городских,
По милости богинь – хранительниц моих:
Природу и любовь и тишину златую
Я славословием стихов ознаменую [3, с. 210].

В стихах Языкова неразрывны халат и добродетель. В стихотворении «Петру Васильевичу Киреевскому» 1835 года появляются слова:

Две добродетели судьбы моей простой, –
Уединение, ленивки пуховые,
Халат, рабочий стол и книги выписные [3, с. 298].

Как видим, здесь оказываются рядом «халат, рабочий стол и книги выписные». Одно другому не противоречит. Такова традиция романтической поэзии в осмыслении образа.

Поддержана эта традиция и в русской живописи. Посмотрим на портреты великих художников, писателей и увидим, что А.С. Пушкин на знаменитом портрете В.А. Тропинина нарисован в халате, Н.В. Гоголь изображен в халате А.И. Ивановым, А.Н. Островский – В.Г. Перовым, Н.М. Языков – А.Д. Хрипковым, Ф.М. Мусоргский – И.Е. Репиным, К.П. Брюллов – П.В. Васиним. Что это? Случайность? Конечно же, нет. Халат издавна ассоциировался с образом творческой личности. Вспомним, что ещё Рембрандт на рисунке 1655 года изобразил себя в халате. Атрибутом многих мастеров становится если не халат, то неизменная блуза. Это можно увидеть на их автопортретах от Я. ван Дейка и О.А. Кипренского до С.Т. Коненкова.

Новые значения слово «халат» обретет в реалистическом творчестве Пушкина. В «Евгении Онегине» халат – домашняя одежда, но и символ обывательского, бездуховного существования: «А сам в халате ел и пил; Покойно жизнь его катилась» [7, с. 44], – говорит Пушкин о Дмитриии Ларине. Его супруга,

привыкнув к деревенской жизни, «обновила наконец на вате шлафор и чепец» [7, с. 44]. *Шлафрок, шлафор* в словаре Даля определяется как тот же халат, «спальная одежда» [1, с. 639].

Пушкин свяжет халат с судьбой человека. Своеобразной «судьбой» становится халат для родителей Татьяны. Один из возможных вариантов судьбы Ленского – это жизнь в халате:

Расстался б с музами, женился,
В деревне, счастлив и рогат,
Носил бы стеганный халат... [7, с. 117].

Такой смысл образа, видимо, не является в полной мере открытием Пушкина. Скорее, поэт лишь актуализировал те значения, которые уже существовали в народном сознании. Даль в словарной статье о халате указывает слово *халатник*, означающее того, «кто ходит в халате», «из халата не выходит».

В оценке Гоголя домашний халат – это признак неряхи. Видимо, поэтому так отрицательно писатель отнесся к собственному портрету в халате кисти А. Иванова. В письме С.П. Шевыреву от 14 декабря 1844 года Гоголь скажет по поводу возможного литографирования этого портрета: «Рассуди сам, полезно ли выставить меня в свет неряхой, в халате, с длинными взъерошенными волосами и усами? Разве ты сам не знаешь, какое всему этому дают значение?» [8, с. 293]. Действительно, для многих современников Гоголя человек в халате – это слышавший в свете неряхой баснописец И.А. Крылов [9, с. 8]. Видимо, именно ему не хотел бы уподобиться автор «Мертвых душ».

В поэме Гоголя в халате появляется перед читателем Ноздрев. Можно утверждать, что его одежда в полной мере соответствует жизненной ситуации: герой показан в домашней обстановке. Образ Ноздрева рождает ассоциации с героями П.А. Федотова на его картинах «Свежий кавалер» и «Не в пору гость». Здесь халат выступает как средство социальной характеристики персонажа, его обнищания, безделья, но и значительных социальных претензий. Однако первая и главная характеристика как гоголевского Ноздрева, так и героев Федотова, – это их нравственная распущенность, отсутствие морального, сдерживающего начала.

В «Мертвых душах» Гоголь вводит выражение, в котором слово «халат» приобретает уже символическое значение. Герой первого тома поэмы Кифа Мокиевич проводил жизнь «халатным образом» [10, с. 284], то есть в уединении, в собственной усадьбе, в безделье, пустых мечтах и отвлеченных, «философских» рассуждениях.

Символический смысл выражения Гоголя быстро уловили современники. П.В. Анненков в своих воспоминаниях употребит его именно в гоголевском значении. О впервые появившемся в кругу петербургских литераторов А.Ф. Писемском он скажет: «На всём его существе лежала печать какой-то усталости, приобретаемой в провинции от её халатного, распущенного образа жизни и скорого удовлетворения разных органических прихотей» [11, с. 466].

Гоголевский Кифа Мокиевич, казалось бы, герой идиллии, но, кроме указания на деревню как неизменный признак идиллического существования, другие атрибуты идиллии в его характеристике отсутствуют. Мечты и занятия героя

становятся пустыми и бессмысленными, его философствование по поводу того, почему зверь родится нагишом, а не вылупливается из яйца, достойно лишь авторской иронии. Гоголь смеется над поэтизацией халата в произведениях романтиков, его герой близок «деревенским старожилам» Пушкина.

Во втором томе поэмы Гоголя халат – это образ, сопутствующий жизни Тентетникова. Гоголевский «небокопитель», «увалень», «лежебока», «байбак» показан «в халате, без галстука» [10, с. 295]. Живет он в собственной усадьбе, на лоне идиллической природы. Однако и Тентетников не является героем идиллии. Прежде чем «залезть» в халат, он многое пережил и перечувствовал, существование в халате не вполне удовлетворяет героя. Именно с Тентетниковым исследователи не раз сравнивали гончаровского Обломова, роман о котором был задуман и начат в годы создания второго тома «Мертвых душ». Совпадают судьбы Тентетникова и Обломова: учение, попытка заняться делом, разочарование в службе и людях, отказ от каких бы то ни было занятий, уединение. О своем герое Гоголь иронически замечает: «Хозяин залез в халат безвыходно, предавши тело бездействию, а мысль – обдумыванию большого сочинения о России» [10, с. 308]. На время увлечения Улинькой халат Тентетниковым «был оставлен» [10, с. 311]. Но «любовь кончилась при самом начале. Потухнул свет, на минуту было перед ним блеснувший, и последовавшие за ним сумерки стали еще сумрачнее. Байбак сызнова залез в халат свой» [10, с. 312]. Халат героя неотделим от его судьбы. Но судьба Тентетникова – это не судьба пушкинского «деревенского старожила», который «лет сорок с ключницей бранился, в окно смотрел да мух давил» [7, с. 32]. Тентетникова нельзя назвать героем духовно мертвым: один из возможных вариантов его дальнейшей судьбы – женитьба на Улиньке. И в этом смысле не умерший духовно гончаровский Обломов ему ближе, чем герои Пушкина.

Как и Гоголь, Гончаров, в сороковые годы трудится над своими произведениями Даль. Интересна семантика слова *халат* в некоторых из них. В зависимости от собственного настроения и намерений меняет одежду один из героев повести «Вах Сидоров Чайкин» Иван Яковлевич Шелоумов: «Когда он являлся в халате своем, то это значило, что он намерен быть хозяином, домоседом, отцом семейства; если выходил поутру прямо в сюртуке, байковом или камлотовом, то это значило, что он будет человек крайне деловой и занятой; если же в коротенькой куртке, то это была одна из самых дурных примет» [12, с. 15]. И снова обратимся к словам Лотмана: «...Вещи властно диктуют жесты, стиль поведения и в конечном итоге психологическую установку своим обладателям» [6, с. 11].

Заглавный герой повести Даля «Павел Алексеевич Игривый» – это деревенский житель в «весьма поношенном халате» [12, с. 61]. Итог жизни Игривого не мог не навести современников на мысль об «обыкновенной истории», пережитой героем. Но его «обыкновенная история» отличается от истории Александра Адуева или от «обыкновенного удела», возможного для Ленского. «Деревенским старожилом» Игривый становится только по обстоятельствам жизни: «он одичал немного и огрубел» [12, с. 143]. Однако, живя в деревне, он не умер духовно: он по-прежнему добрый, любящий, думающий человек, совершающий свой подвиг самоотвержения, состоящий в служении детям давно умершей любимой им женщины. Герой Даля – это цельная натура. Как в юности, так и

в старости он романтик и этим напоминает гончаровского Обломова, тоже не растратившего на жизненном пути своего «золотого сердца». Залезший в халат Обломов так же потихоньку вершит добрые дела: он благословляет «на радость и на счастье» Ольгу, принимает участие в воспитании детей Агафьи Матвеевны и обеспечивает их будущее, он сумел вдохнуть в каменную Галатею – вдову Пшеницыну – душу... В отношении к этим героям Гончарова и Даля вполне справедлива народная мудрость: наружность человека часто бывает обманчива (см. [12, с. 67–68, 143]).

Роман Гончарова является тем литературным текстом, в котором образ халата осмыслен необычайно многозначно, он приобретает архетипический смысл. В «халате Обломова» отзываются все те значения образа, которые он приобрел как в предшествующей роману культуре, так и в произведениях, следовавших за ним.

Герой Гончарова ведет себя как человек, которому его халат диктует определенный способ существования. Халат дорог и люб Обломову, он носит его с неизменной гордостью, «с любовью кутаясь в широкие полы халата» [13, с. 18]. Герой ревностно отстаивает свое право на «лежачий» образ жизни: когда Волков пытается устыдить его за старомодный халат, Обломов защищает не просто свой халат, но сам принцип мирного и малоподвижного существования, необходимого для цельной личности, противопоставляя его суете и «раздробленности» жизни волковых.

Халат и «халатный» (говоря словами Гоголя) образ жизни Обломова – своеобразная форма его противостояния безнравственности, суетности, двуличию современного общества. В.А. Котельников в своей биографической книге о Гончарове халат Обломова связывает со стихотворением П.А. Вяземского «К халату», указывая на целый комплекс значений образа, в разной степени актуальных для обоих произведений. В халате, традиционном одеянии поэта-эпикурейца, привольно и телу, и душе. Халат – это знак внутренней свободы, убежище от светской суеты, именно в халате возможно возвращение к истокам духовной жизни, в детство (см. [14, с. 114–116]).

Советские литературоведы, в основном следовавшие за революционерами-демократами в освещении образа Обломова, о его халате писали как о своеобразном свидетельстве дворянского безделья, символе прошлого, обреченности героя [15, с. 536–559]. В последнее десятилетие ученые все больше говорят об Обломове, учитывая, что Штольц характеризует его как философа и поэта. Поэтические мечты героя, его жизненную философию исследователи (М.В. Отрадин, Е.А. Краснощекова и др.) все чаще увязывают с философией эпикуреизма, с поэтическим миром произведений дальних и ближних предшественников Гончарова.

Отрадин считает, что «в качестве ближайшего контекста романа «Обломов» представляется несомненно плодотворным рассмотрение» «Похвального слова сну» К.Н. Батюшкова, в котором есть мотивы уединения, усадебной жизни на лоне природы, лени, покоя, разделяемого героем с единомышленниками. Сон в батюшковском стихотворении понимается как «состояние поэтическое... близкое к творческому вдохновению». «Сон – это спасение от страстей и коварства людского». Лениность – «это тоже свойство поэта». Ассоциации с Обломовым

в характеристике героя Батюшкова вызывает и «равнодушное отношение к новостям из “внешнего” мира, предрасположенность к “скуке”, “татарский или китайский” шлафрок...» [16, с. 108].

Ученые указывают на то, что Языков по своему характеру и образу жизни мог быть одним из прототипов Обломова [17, с. 158]: поэт удивлял современников своей ленью. Об этом пишет Вяземский в статье «Языков – Гоголь» [18, с. 164]. Если учесть привязанность того и другого – реального лица и литературного героя – к халату, то можно привести еще целый ряд аргументов в пользу этой версии. Илья Ильич, как и Языков, поэтизирует свой халат, любит его, в нем он художник, его лень как внешне неподвижный образ жизни оправдана внутренней, духовной, творческой активностью.

Ю.М. Лощиц указал на значительность эпитетов, приданных халату Обломова: «восточный», «из персидской материи» [19, с. 204]. (Напомним, что у Даля рядом со словом «халат» есть помета «татр.» и он назван одеждой «восточного покроя»). Лощиц увидел в обломовской философии покоя отражение учений античных философов, а также восточной созерцательности. Именно на Востоке, во время путешествия в Японию, Гончаров увидел людей, одетых в халат: «На них была синяя верхняя кофта с широкими рукавами и халат, туго обтянутый вокруг поясицы и ног. Халат держался широким поясом» [20, с. 7]. Для японцев это почетная одежда. На такое значение слова указывают и этимологические словари (см. [21, с. 475]). Это значение предполагается и у Даля, так как халат является атрибутом прежде всего дворянского быта. Для Обломова халат – тоже своего рода «почетная одежда», признак дворянского достоинства, принадлежности к «благородному» сословию, которое отличается от «других», живущих заботой о хлебе насущном, постоянно занятых трудом. Герой, хотя и стыдится собственных лени и безделья, гордится тем, что он барин. Для Агафьи Матвеевны халат – свидетельство сословной принадлежности Обломова, его несомненного превосходства перед окружающими. Он и в халате для нее «сияет, блещет» [13, с. 397].

Для Обломова, как и для героев Пушкина, Гоголя, халат становится судьбой: герой надел его, когда бросил службу, закрылся в собственной квартире и лег на диван. Он восторгается собственным халатом, видит в нем «тьму нецененных достоинств: он мягок, гибок, тело не чувствует его на себе; он как послушный раб покоряется самомалейшему движению тела» [13, с. 6]. Кутаясь в халат, Обломов надеется укрыться от всех жизненных проблем. Но этого не случается, и герой с горечью вынужден признать: «Трогает жизнь, везде достает» [13, с. 17]. Подобно Тентетникову, он обдумывает «большое сочинение» о том, как будет переустроена его Обломовка. В мечтах своих герой видит себя в халате: «Ну вот, встал бы утром. <...> Погода прекрасная, небо синее-пресинее, ни одного облачка. <...> В ожидании, пока проснется жена, я надел бы шлафрок и походил по саду подышать утренними испарениями...» [13, с. 184]. В этих эпизодах халат опозтезирован Обломовым, он являет собой одежду ленивца-поэта, избравшего деревню как идиллию, противостоящую суетности и безнравственности света. Рядом с халатом «просторный сюртук, куртка», «блуза и чепчик жены» – все это атрибуты поэтического, идиллического существования. Важен и другой мотив, так или иначе присутствующий

в этих эпизодах. В своих мечтах идиллию Обломов переносит на родину. Нечто подобное мы уже встречали в стихах Языкова. Заметим и то, что образ родины в них очень во многом напоминает Обломовку. Здесь те же «смеющиеся долины», «светлые холмы и равнины», которым противопоставлены немилые сердцу поэта скалы, горные ущелья, море...

Халат исчезает из жизни Обломова, когда герой влюбляется в Ольгу. (Тарантьев увез халат с остальными вещами на Выборгскую сторону.) И у читателя появляется надежда, что халат больше не понадобится герою, он расстанется с ним, как расстался с халатом Александр Адуев. Как известно, этот герой, вернувшись в деревню, «узкий щегольской фрак... заменил широким халатом домашней работы» [22, с. 245]. Его новый приезд в Петербург означает возвращение к активной деятельности и отказ от халата. Однако история Обломова – это другая история.

Как только герой начинает «прирастать» к Выборгской стороне, Агафья Матвеевна напоминает ему о халате: «Еще я халат ваш достала из чулана <...> его можно починить и вымыть: материя такая славная! Он долго прослужит». И хотя Обломов заверяет ее, что халат ему больше не нужен, хозяйка не без язвительности замечает: «Может быть, наденете когда-нибудь... к свадьбе!» [13, с. 350]. Так и случится. Халат станет обязательным и неизменным атрибутом семейных отношений, но только не Обломова и Ольги (на которые намекала Агафья Матвеевна), а Обломова и самой вдовы Пшеницыной. Именно она ревностно заботится о халате, выводит с него пятна, выстегивает его вместе с одеялами, чтобы он укрыл и согрел любезного ей Илью Ильича. Однако ее доброта, самоотверженная забота и любовь всегда будут ассоциироваться у читателя с чем-то недобрым. Она окажет герою такую же медвежью услугу, как и его халат.

В определении халата как домашней одежды у Даля есть намек на некоторую интимность. Этот намек присутствует и в произведениях романтиков. То же у Гончарова: халат фигурирует в сцене любовного объяснения Агафьи Матвеевны и Обломова. Их отношения впоследствии выльются в брачный союз. В халате герой немислим вне дома, вне того мира, который вдова Пшеницына для него создает, он весь в ее власти. Ольге Обломов в халате не нужен.

Близкие этим значения образа халата присутствуют в ключевых сценах романов Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и Л.Н. Толстого «Война и мир». Оба романа появились уже после «Обломова». Старик Федор Павлович Карамазов приготовился к встрече с юной Грушенькой, «разодевшись» в «полосатый шелковый халатик», «подпоясанный шелковым же шнурком с кистями». «Из-под ворота халата выглядывало чистое щегольское белье, тонкая голландская рубашка с золотыми запонками» [23, с. 353]. Старый князь Болконский появится перед Наташей, объявленной невестой князя Андрея, в халате. Эта одежда, несущая в себе намек на интимность и семейные отношения, одновременно позволяет герою продемонстрировать свою княжескую спесь, превосходство в знатности и богатстве перед полуразорившимся графским родом Ростовых. Князь не верит в искренность чувства Наташи, считает выбор сына ошибкой и превращает сцену знакомства с будущей невесткой в оскорбительный для нее фарс. Халат становится в данном случае одеждой комедианта.

В главе 12 части 3 романа «Обломов» образ халата приобретает зловещий оттенок: его набрасывает на плечи героя Захар в тот момент, когда Обломов возвращается домой после разрыва с Ольгой. В этой главе халат оказывается в ряду образов, символизирующих смерть (холод, снег). В последней части романа появятся и ассоциации с саваном. Устрашает уже поместительность халата. Он как бы предлагает хозяину: «Расти в ширину, полней, я прикрою, приму тебя любого. На моей родине, на востоке, полнота – признак достатка, благополучия, покоя. Ведь именно к этому стремишься ты с детства. Я никогда и ни в чем не создам тебе неудобства». Ширина халата, возможность завернуться в него дважды делает его похожим на погребальные, смертные пелены, в которые заворачивали покойника. Халат теперь прямо угрожает герою: «Чем больше ты будешь вживаться в меня, поддаваться лени и апатии, тем ближе ты к смерти». Подобный зловещий оттенок будет иметь образ халата и в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»: Степку-балбеса Арина Петровна поместит в особой комнате флигеля, названной автором «склепом», и туда ему принесут «старый папенькин халат» [24, с. 32]. В нем предстоит герою прожить остаток своей бестолковой жизни, в нем же и умереть.

В послепушкинскую эпоху отнюдь не для всех писателей окажется актуальным понимание халата как судьбы героя, однако образ этот «обрастет» новыми значениями, которые «откликнутся» в «обломовском халате». Герои Островского одеты в халат в различных жизненных ситуациях. По причине собственной неряшливости и чувства вседозволенности городничий Градобоев в пьесе «Горячее сердце» вершит суд над обывателями в халате и в форменной фуражке с костью. В халат одет обнищавший Кисельников, герой пьесы «Пучина», воспоминание о своей бедной юности для героя пьесы «Бедная невеста» Беневоленского тоже связано с халатом. Телятев из пьесы «Бешеные деньги» собирается явиться перед своими кредиторами в халате. Он рассчитывает представить им эту одежду как свидетельство того, что с него нечего взять, а потому надеется на прощение долгов. Гончаров тоже не скрывает, что излишняя преданность Обломова халату превратила его в неряху. Достаточно вспомнить описание квартиры героя на Гороховой улице и то, как выглядел его халат, который «утратил свою первоначальную свежесть и местами заменил свой первобытный, естественный лоск другим, благоприобретенным» [13, с. 6]. Поношенный и вылинявший, заштопанный в разных местах халат читатель увидит на Обломове и в тот период, когда Тарантьев и Мухояров обернут его до нитки.

Халат в романе Гончарова приобретает и еще одно значение, актуальное не только для этого произведения, но и для позднего творчества Вяземского. Однажды Обломов признается Штольцу: «...Я дряблый, ветхий, изношенный кафтан...» [13, с. 191]. Фактически это выражение означает «я изношенный халат», потому что халат, по определению Даля, – это «крестьянский кафтан без перехвата, зипун, армяк». Герой называет себя так, имея в виду свою никчемность, неприспособленность к жизни, отсутствие настоящего интереса к ней, неумение делать дело, нежелание жить, преждевременную старость собственной души.

Известное стихотворение Вяземского «Жизнь наша в старости – изношенный халат...» (1877), написанное поэтом незадолго до смерти, включает близкие этим мотивы:

Жизнь наша в старости – изношенный халат:
И совестно носить его, и жаль оставить;
Мы с ним давно сжились, давно, как с братом брат;
Нельзя нас починить и заново исправить [4, с. 370].

Однако Вяземский говорит о реальной, а не о преждевременной старости. С халатом для него связаны лучшие воспоминания о прожитой жизни, полной творчества, трудов:

Как мы состарились, состарился и он;
В лохмотьях наша жизнь, и он в лохмотьях тоже,
Чернилами он весь расписан, окроплен,
Но эти пятна нам узоров всех дороже [4, с. 370].

В жизни поэта были «и утро свежее, и полдня блеск и зной», о них «при дневном закате» напоминает халат, который Вяземский сравнивает с плащом бойца, простреленным в бою. Именно поэтому он холит свой халат «с любовью и почетом» [4, с. 370]. В поздних своих стихах поэт называет себя «обломком жизни прежней» [4, с. 367]. И в этом он тоже близок Обломову, в фамилии которого некоторые исследователи слышали слово «обломок» [25, с. 30].

Заключая, заметим, что слово *халат* в русской литературе XIX века благодаря «халату Обломова» приобретает архетипический смысл. Игнорировать его не сможет уже ни один художник более поздней эпохи. В сознании любого образованного современного человека слово «халат» ассоциируется прежде всего с образом Обломова.

Summary

N.L. Ermolayeva. Gown ('Khalat') Archetype in 19th-Century Russian Literature.

The article proves that the image of gown ('khalat') gets the qualities of archetype in Russian literature analyzing the wide material of creative work of N.M. Yazykov, P.A. Viazemskij, A.S. Pushkin, N.V. Gogol', I.A. Goncharov, V.I. Dal', A.N. Ostrovskij and some other authors of the 19th century.

Key words: dressing gown of a poet, dressing gown of a lazy man, dressing gown of a sloven, dressing gown as a destiny, "dressing gown-like" way of life, dressing gown as an honourable dress, dressing gown as an attribute of the life of landowner, life as "a worn dressing gown".

Литература

1. *Даль Вл.* Толковый словарь: в 4 т. – М.: Рус. язык, 1991. – Т. 4. – 683 с.
2. *Давыдов Денис.* Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1959. – 284 с.
3. *Языков Н. М.* Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов. писатель, 1988. – 592 с.
4. *Вяземский П. А.* Сочинения: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 1. Стихотворения. – 462 с.
5. *Орлов Вл.* Пути и судьбы. Литературные очерки. – Л.: Сов. писатель, 1971. – 744 с.

6. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство, 1994. – 415 с.
7. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. – М.: Наука, 1978. – Т. 5. – 528 с.
8. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. – М.: АН СССР, 1952. – Т. 12. – 732 с.
9. *Сергеева-Клятис А.* Сожаление о старом халате // Литература [Приложение к газ. «Первое сентября»]. – 2000. – № 2. – С. 5–8.
10. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Худож. лит., 1967. – Т. 5. – 624 с.
11. *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. – М.: Правда, 1989. – 688 с.
12. *Даль В.И.* (Казак Луганский). Полное собрание сочинений: в 8 т. – М.: Столица, 1995. – Т. 2. – 462 с.
13. *Гончаров И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Правда, 1972. – Т. 4. – 528 с.
14. *Котельников В.А.* Иван Александрович Гончаров. – М.: Просвещение, 1993. – 192 с.
15. История русского романа: в 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 1. – 628 с.
16. *Отрадин М.В.* Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 168 с.
17. *Рассадин А.П.* Из рода Обломовых (Н.М. Языков и И.А. Гончаров) // Гончаров И.А.: Материалы междунар. конф., посвящ. 180-летию со дня рожд. И.А. Гончарова. – Ульяновск, 1994. – С. 156–159.
18. *Вяземский П. А.* Сочинения: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 2. Литературная критика. – 383 с.
19. *Лощиц Ю.* Гончаров. – М.: Молодая гвардия, 1986. – 367 с.
20. *Гончаров И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Правда, 1972. – Т. 3. – 464 с.
21. *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.
22. *Гончаров И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Правда, 1972. – Т. 1. – 272 с.
23. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Художественные произведения. – Л.: Наука, 1976. – Т. 14. – 512 с.
24. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Правда, 1988. – Т. 6. – 560 с.
25. *Орнатская Т.И.* «Обломок» или Илья Ильич Обломов? (К истории интерпретации фамилии героя) // Рус. литература. – 1991. – № 4. – С. 29–30.

Поступила в редакцию
08.04.08

Ермолаева Нина Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской словесности и культурологии Ивановского государственного университета.
E-mail: ninaermolaeva@yandex.ru